

Алексей Тимофеевич Прасолов родился 13 октября 1930 года в селе Ивановка Михайловского, ныне Кантемировского района Воронежской области. Классик русской советской литературы XX века. Из крестьянской семьи. Окончил Россошанское педагогическое училище в 1951 году. Работал учителем в сельских школах. С 1953 года — на газетной ниве. Трудился в Воронеже в молодежной областной газете «Молодой коммунар», в районных газетах Россоши, Новой Калитвы, Петропавловки, Кантемировки, Репьевки, Хохла и других. Как поэт стал широко известен после публикации по благословию Александра Трифоновича Твардовского большой подборки стихов в журнале «Новый мир» в августе 1964 года. Автор поэтических книг «День и ночь» (Воронеж, 1966), «Лирика» (Москва, 1966), «Земля и зенит» (Воронеж, 1968), «Во имя твое» (Воронеж, 1971) и других. Жил в Воронеже, ушел из жизни 2 февраля 1972 года. Именем Прасолова названы улица и библиотека № 19 в Воронеже, Россошанская районная библиотека.

Памяти поэта посвящены мемориальные доски в Воронеже, Россоши, Хохле.

В стихах Алексея Прасолова почти не встретишь географического адреса описываемых событий. Малоизвестная поэма «Владыка», которая, по признанию автора, рождалась у меловых белых скал воронежского Дивногорья «на всех парусах», редкостное исключение.

...близ пруда, где ныне омут,
Где, говорят, бывал Толстой,
родился я.

Речь об исчезнувших ныне хуторке Ржевск с барским именем, с издательством «для народа» — «Посредник» и родимой прасоловской Ивановке, расположенных через яр-долину на соседних холмах. Это юг Воронежской области, донская степь. Грань России и Украины.

На ближнем железнодорожном вокзале — мемориальная доска: «26 марта 1894 года на станцию Митрофановка — Ольгинская приехал великий русский писатель Лев Николаевич Толстой по пути на хутор Ржевск к В.Г. Черткову».

Алексею Тимофеевичу запали в душу краеведческие открытия учителя Григория Федоровича Чистоклетова и доброго знакомого и чуткого собеседника — собственного корреспондента воронежской областной газеты «Коммуна», журналиста Георгия Степановича Тарасенко. Удивила сопричастность родного поля к русской литературе...

В поэме — «переплетение истории и сегодняшнего дня», размышления о жизни человека во времени и историческом пространстве, будь он великий писатель или крестьянин — или крестьянский сын, вступивший на литературную ниву. Размышление сына своего времени.

И мне хоть трудно, но не дико
Мое земное бытие,
Где этой жизни я владыка,
Пока я подданный ее.

Поэму, писал Прасолов, «посвящая Александру Твардовскому» — его он боготворил. Не судьба. Поэма вышла в свет уже после их земной жизни.

Петр ЧАЛЫЙ

— Дедушка, когда ты родился?
— Опосля царской воли...
...Жизнь без начала и конца.
...Сыны отражены в отцах.

А. Блок

I

Однажды на краю села
Открыл я дверь — и на пороге,
В испуге пыхнув, обдала
Меня холодная зола,
И, громкие в переполохе,
Хлопки куриного крыла
Мне были как привет с дороги.

И я, освоюсь в темноте,
Шагнул в другую половину —
Там ночь в кирпичной наготе,
Две шторки в стороны раздвинув,
Через дубленую овчину
Струила в русской доброте
Все, чем красна, — владыке в спину.

Он так привольно возлежал,
Ничуть не благостный и чистый,
И дряхлый век в нем не дрожал,
Когда я принял и пожал
Породистую тяжесть кисти,
И та ладонь, что я держал,
Являла облик бескорыстья.

И ровно поднималась грудь —
Дышала степь в закатном свете:
Еще не время ей заснуть,
Еще над ней проходит ветер,
Но ей уже в минуты эти
Свою подвижность не стяхнуть —
Был день ее длинней столетья!..

II

А люди в будничных делах
Лишь днем насущным дорожили.
Но были дни людей не прах:
И в закромах и ворохах
Они богатство отложили,
А охранять — не вору в страх —
Труду в почет — ему, решили.

И летом года три назад
Старик на ток явился к ночи —
Ведь сам хотел и сам был рад,
Что сердце слышит, видят очи,
Как жизнь по-девичьи хохочет,
И, кроме радости, навряд
Она признать иное хочет.

К щитку метнется, врубит свет,
В крылатом и коротком платье
Порхнет к нему за светом вслед
И вдруг, как озорной секрет,
Вся затаившись, быстро схватит
Мелком — пока недвижен дед —
Столетний профиль на асфальте.

Старик совсем не знал о том,
Что он натурщик и что дома
У той девчонки есть альбом,
Что смотрят со страниц альбома
Его улыбка, полудрема,
Печаль, испуг с открытым ртом
И крест широкий — после грома!

И затевался разговор
 В лад засыпающему шуму:
 — А что там было?..
 — Панский двор,
 И жил в нем управитель Мор.
 Кто знал суму, а немец — сумму,
 А пан попер, попер, попер —
 Аж в Государственную думу!

Ты и в истории найдешь
 Его фамилию хохлячью¹.

Жаль, как наш труд не ставил в грош,
 Как на долги пустил я клячу,
 Как эти руки нес в придачу —
 Про это в книге не прочтешь.
 А я и в гроб обид не спрячу.

— А все ль такие... господа?
 — Хоть неучен я, да не темный,
 И не забуду никогда
 Я день один — за все года,
 Какие прожил, не запомнил.
 За сорок верст я вез сюда
 Учительницу — в самый полдень.

Дорога с дождика мягка.
 Качу — не пыльно и не тряско.
 Забрёзжил пруд из-под леска.
 Вдруг камень под подковой лязгнул.
 Гляжу — навстречу нам коляска,
 А в ней, за кучером, слегка
 Откинулся и смотрит с лаской
 На лошадь старую мою,
 Что через камень с шагу сбилась, —
 Отступник...
 — Кто-о?
 — Кому в раю
 За веру вольную свою
 Попами мест не отводилось.
 Ему анафему поют,
 А он лишь верит в божью милость!
 Не отгадали, кто? Я тож
 Не сразу вник — такое было...
 Моя учительница в рожь
 С телеги тихо соступила,
 Колосья в пальцы захватила,

¹ Родзянко. — Прим. автора.

А по самой, я чую, дрожь
С неспелой рожью заходила.
Я к ней — она горит, как ад:
Глаза и плачут и польшут.
«Кто ими проклят — трижды свят!
Увидишь — все в огне сгорят! —
Земля да небо только слышат. —
Не смей крестить меня — он снят,
Мой крест!.. Поедем, да потише...»

И сорок верст подряд она —
Про то, какой он ищет веры,
Про Анну — чем она грешна,
А жальче всех — про Холстомера!
Наш пан другого был примера...
Тут — экономия одна,
Да Мор, да вроде инженера
Какой-то хлюст еще живет.

И, помню, немец-управитель
В дом провести водопровод
Задумал — и меня зовет:
Мол, заработать не хотите ль?
Для нас задался трудный год.
А я был до всего любитель.
Я резал плугом свой надел
(С соседом плуг купили вместе),
Косой и молотком умел —
По наковальне и по жести,
Читал. На счетах — сто иль двести
Откину. Но торговых дел,
Хоть звали, я не мог: не к чести...

Вот так. — И старый умолкал,
Глядел на край ночного неба.
Обрезанной луны накал —
Как зев ночной: краснел и ждал,
Что скоро в жар посадят хлебы.
Полову вихорок сметал,
Кружил, не зная, бросить где бы.

И прикрывал старик глаза —
Ловил он ответ жизни давней.
И редко, правда, но слеза
Непозабывтого страданья
Из глуби, тайной, как преданье,
Сверкнет — и стихнут голоса
В кругу раннего собранья.

— В тот год я схоронил жену —
 Надорвалась в работе рано.
 А тут наш царь начал войну.
 И там в могилку-то одну
 Двух сыновей... под Лявояном.
 Две свечки в церкви — в чью вину?
 А вскоре третьей мать помянем...
 Да, от недоброго житья
 На дело то — с водопроводом —
 Давал согласие немцу я...
 Два месяца вставал с восходом,
 Копал да трубы клал с народом
 И думал: силушка моя
 Авось не даровым расходом...

И день настал — пошла вода!
 Как дождик, из трубы — на розы.
 На кухню, в дом — ну, хоть куда.
 Со стульчика Мор сам тогда
 Вскочил, в ладошки хлоп и в слезы.
 И чарку мне: «О рус, о да!»
 А я: «Расчет?» — А он: «Курьезы?»

Позвал наутро:
 «Доски брал?» —
 «Жене на гроб...» —
 «А яшень в роце?» —
 «Жене на крест». —
 «А конь топтал
 Наш хлеб?» —
 «В грозу сорвался к ночи...» —
 «О, рус мужик есть хитрый очень!
 Я все — считал, считал, считал...»
 Тут я и сделал — чтоб короче.

Был Мор при золотых часах
 С крученой цепкой — по жилету.
 Я чирк часы да об стол — трах!
 Лишь брызги врозь — и я в руках
 Держу витую цепку эту!
 Мор за сердце — и ох, и ах,
 Потом: «В Сибир! — кричит. — К ответу!»

И может, стала б для меня
 Та золотая цепь кандальной,
 Да, глядь, то в ночь, то среди дня
 По волостям — сперва по дальней,
 За ней в соседней — к панской спальне! —
 Пустили петуха. С огня
 Мор мягче стал: грозили — спалим.

— Ага! — И молодой народ
 Сбивался гуще, жарче в кучу —
 Шофер, монтер и просто тот,
 Кто отключался от забот,
 Всяк заворачивал под случай.
 Девчонка ж — вся глаза и рот —
 Гнала от деда дыма тучу.

И замечал старик: умом
 Они прошли и позабыли
 Все, что в историю пером
 Кровавым вписывает были,
 В них сердце еле разбудили,
 Чтоб в лучшем случае — потом
 Само познало: как там жили?
 И как живут? И будут — как?
 И здесь, как встарь, под небом лунным —
 Без кобзы, гуселек в руках —
 Вдруг из всего, что глупым — прах,
 Сверкало диво душам юным,
 И эпос пел в его словах,
 Как будто трогал старый струны.

— Мы разгромили панский дом
 В семнадцатом! А позже, позже
 Водопровод на месте том
 Я вырыл — труд мой стал дороже:
 Провел в конюшню воду — боже! —
 Колхоз так нагрузил зерном
 Возище — на! — и в руки вожжи!

Нет, не позволю никому
 Смеяться над святой минутой:
 К хатенке, к дому моему
 Шел воз горой! И не пойму,
 Зачем тогда отбросил кнут я?
 Другая жизнь — так почему
 Из-под кнута идти коню-то!

Как в праздник — в дегте сапоги,
 Горит рубаха распояской,
 Флажок над возом!.. Эх, враги,
 Срубили сына на гражданской...
 Жена — вторая — перед пасхой
 В восьмом году и помощи
 Мне двойней, — вот они с опаской
 Меня и встретили у ворот:
 — Откуда столько?
 — Не оттуда,
 Где манка с неба прямо в рот,

Откуда, горький, ждал я чуда...
Что ни мешок — четыре пуда!
А умолот — на целый год!
Поплачь, жена, слеза не с худа.

VI

— Эх, жизнь!..
Над миром к часу — час
Сомкнулись — поздний с самым ранним.
Остыла рупорная пасть,
И капля падает, стучась
В брезент, оставленный собраньем,
И свежести живая власть
Сильней ломоты: — Ну-ка, встанем!
Осмотрим ток. Фить-фить, Сигнал! —
И пес вострит сторожку уши. —
Во сне ты вора не видал?
А есть в селе дурные души:
Урвет мешок — и водку глушит.
Ладонь в зерно: все вал да вал,
Спешат, а хлеб путем не шусат.

Зерно ль согрелось, иль в руке
Тепло скудеет ощутимо,
Вон — как туманцем вдалеке,
Как мягким паром на реке,
Уходит из него — незримо?
И суетное в старике —
На убыль, мелочное — мимо.

В ночи простор и высота,
Пыль дремлет, шумы заглушили,
Во сне не вывернут листа
Изнанкой светлой на вершине
Пять тополей, что окружили
Покой погибших... Чья звезда
Взошла, железной, на могиле?

В каких там селах и местах
Лежат последние два сына,
Кого держал он на руках,
Покуда с кровью на губах
Превозмогала мать бессилье,
По ком не раз потом в ночах
Над похоронкой голосила?

На юг, на запад, на восток,
Куда ни кинь — везде потери.
А мир безгрешен и жесток,
А мир всегда как бы в преддверье
Безвестности, — он в смерть не верит

И дел своих, и жизни срок
Не человечесьей мерой мерит.

И не пугал он старика
Ни прежде, ни теперь собою...
У мира многие века,
Но только избранным пока
Дарит он день в сто лет длиною,
А все дорога коротка,
Как край зачнешь под ногою.

И не смирится никогда
Душа с последнею утратой.
Земля открыта, даль чиста,
Кочует свет голубоватый
На ниве, сжатой до заката,
И пахотная чернота
На желтом ширится покато.

Глядят светила с вышины,
Как кто-то полосу проводит
Над снами всей ночной страны.
В глазах собачьих две луны —
Луна уж не ничья в природе,
И уши пса наострены:
Сегодня там чужие вроде...

Уже под самую луну
Звонящий след за самолетом, —
Вот он — морозный и тугой —
Округло выгнут поворотом,
И не видать, куда и кто там,
Лишь отзыв бункера глухой
Дрожит железною зевотой.
Встает взамен людской молвы
Единый гул земли и неба,
А в промежутках — вздох листвы
Да треск истоптанной травы,
И вечность видится как слепок
Туманно-белой головы
Над дышащей горою хлеба.

VII

Есть на Дону Большие Дивы,
Причудой их не назову:
Они пещерно-молчаливы,
Но граней грозные извивы,
Как думы древних — наяву.

И так загадочно вы схожи!
За слово темное прости:

Как Див, окаменел ты тоже,
Как белый Див, молчишь — до дрожи
Моей, языческой почти!

Я не тужу и не надеюсь,
Чтоб выпал мне такой удел, —
Нам некогда! Как отщепенец,
Я с этой мыслью не седел.
Я знаю сутолоку дел
И стройность их, — куда я денусь,
Каким я облаком оденусь —
Потом?.. Мой сын — совсем младенец —
Уже загулил, загудел!

Такой размах теперь мне виден,
Что суета, как червь, не съест,
И, не искатель праздных мест,
Тревожусь я — но не в обиде
На мой, как прежде звали, крест.
Породу мира сокрушая,
Мысль не ломает острие
И там, где высота большая,
Подножье — наше и мое.

Мой сын, под солнышком играя,
Взбирайся, прыткий, на плечо, —
Идем! Ведь мы не знаем края,
Но я — уже, а ты — еще.

VIII

Не все сказал, не все постиг,
Но худо, бедно ль — все ты прожил.
Теперь моя пора, старик,
Сказать иль жить — одно и то же!

Ты позабыл, когда рожден,
И стольких пережил на свете,
Что не придут родные дети,
Чьи кости всюду на планете,

В твой час недалних похорон.
За нас — досталось им такое
На пяди жизни, что уже
На ней, я видел, взятой с бою,
Живого места нет душе.

Пусть каждой пядью дышит лето!
А те смертельные места
Народ для памяти пометил
Тобою, братская звезда.

И чтоб для нас не стала братской,
Чтоб не сгорала на гербе,
Уже навеки быть солдатской —
Отцовской — выпало тебе.

Давно не дети — среди сквера
Мы у бессмертья не в гостях:
Вдвойне крепка живая вера,
Что восходила на костях.

Хоть близ пруда, где ныне омут,
Где говорят, бывал Толстой²,
Родился я — не по Толстому
Учился вере я святой.

Она святая по-иному,
Другой наставник есть у нас,
Он не успел уже Толстому,
Но миру, вечно молодому,
Глаза открыл он — в самый раз.

От их несходства мы не хуже,
Все величины не равны...
Весь мир непознанный нам нужен,
Чтоб стали миру мы нужны.

И нет суровее завета:
В соблазне выстраданных благ
Не забывай: страданье это
Еще не наше, — встань и ляг
С мечтою, зачерпнувшей света,
Но сердцем знай: как этот флаг,
Кровь — государственного цвета.

И мне хоть трудно, но не дико
Мое земное бытие,
Где этой жизни я владыка,
Пока я подданный ее.

*Февраль — март 1971
Дивногорье*

---

² На даче Черткова, находившейся близ села Еленовка, ныне Россошанского района Воронежской области. — *Прим. автора.*